

ББК 801

В.В.Иваницкий

ФУНКЦИИ ЯЗЫКА

The paper deals with the functions of a language from the point of view of its essence and nature — «language proper», speech and language activities.

Для чего существует язык? Каково его предназначение? Почему человек и общество не могут без него обойтись? Ответ, пожалуй, мало у кого вызовет сомнения: чтобы думать и общаться! Язык связан с процессом мышления и употребляется как средство общения, коммуникации. Однако мышление может осуществляться и без посредства языка и его единиц. Так, известный французский математик писал: «Я утверждаю, что слова полностью отсутствуют в моем уме, когда я действительно думаю» [1]. Альберт Эйнштейн отмечал, что «слова языка, в той форме, в которой они пишутся или произносятся, не играют, как

мне кажется, никакой роли в механизме моего мышления» [2]. Употребление же языка может быть сведено до минимума коммуникативной направленности: язык существует в этом случае, но как бы сам по себе. Например: *Петр (входит и садится): — Ты как же, дядя Аким? Аким: — Получше, Игнатъич, как бы получше, тае, получше... Потому как бы не того, баловство, значит. Хотелось бы, тае... к делу, значит, хотелось бы малого-то. А коли ты, значит, тае, можно и того. Получше как* (Л.Толстой. Власть тьмы);

О, рассмейтесь, смехачи!

О, засмейтесь, смехачи!

Что смеются смехами, что смеяются смеяльно,

О, засмейтесь усмеяльно!

О рассмеишиц надсмеяльных — смех усмейных смехачей!

О, иссмеися рассмеяльно, смех надсмейных смеячей! (В.Хлебников. Заклятие смехом)

Когда мы говорим о функциях языка, то обычно имеется в виду не язык, а речь или речевая (языковая) деятельность. Поэтому многие лингвисты высказываются осторожно по поводу языковых функций. Великий американский лингвист, оригинальный и разносторонний ученый Э.Сепир в 1933 г. писал в связи с этим следующее: «Трудно с точностью установить функции языка, так как он настолько глубоко коренится во всем человеческом поведении, что остается очень немногое в функциональной стороне нашей сознательной деятельности, где язык не принимал бы участия» [3].

Нет оснований не согласиться с этим. На самом деле, язык «видится» во всем, и границы его функций обычно размыты и не однозначны. Эти функции не могут проявляться «в чистом виде», они всегда взаимодействуют и перекрещиваются друг с другом, сосуществуют в разных ипостасях — онтологической, гносеологической (или когнитивной), прагматической. Можно говорить о *функциях языка в обществе*, о том, как и где язык «живет», и тем самым — об общественных, *социальных функциях* языка. Можно говорить о *функциях языка по отношению к мышлению* и поэтому — о *ментальных функциях* языка. Можно говорить о функциях языка в рамках *речи*, а также *речевой* (точнее, *языковой*) *деятельности* (в терминах Ф. де Соссюра [4]). Можно говорить о функциях языка с точки зрения его *системы и структуры*. В конце концов — и это в данный момент актуально — можно говорить о функциях языка с *фидеистической позиции*. Тем самым вопрос о функциях языка затрагивает как его онтологические, так и природные стороны. В связи с этим требуется не только установление границ функционального распределения языка, но и, собственно, четкое понимание термина «функция».

В словаре лингвистических терминов О.С.Ахмановой у слова «функция» выделяются следующие значения: 1) назначение, роль, выполняемая единицей языка при ее воспроизведении в речи (функция подлежащего, функция падежа, морфологическая функция и т.д.); 2) цель и характеристика воспроизведения в речи данной языковой единицы (функция наречий, предикативная функция и т.д.); 3) обобщенное значение разных сторон языка и его элементов с точки зрения их назначения, использования (коммуникативная функция, знаковая функция и т.д.) [5]. Как видим, доминирующим компонентом всех указанных значений является признак назначения, роли, соотносимый с разными объемами лингвистических понятий. С точки зрения назначения, роли язык характеризуется обычно, когда говорят о нем как о средстве общения, т.е. в речевом аспекте. И в этом отношении выделяется большое количество функций, но прежде всего — коммуникативная. Однако за пределами понятия «функция языка» все-таки остается определенное количество языковых свойств, которые характеризуют онтологические стороны языка и которые не могут быть представлены как его назначение или роль. Поэтому термин «функция» мы трактуем шире, в соответствии с его исходным латинским значением — *исполнение, совершение, отображение*. Тогда можно говорить обо всех «проявлениях» языка как с точки зрения его сущности, онтологии, так и с точки зрения его природы, бытования.

О коммуникативном назначении языка и связи его с мышлением так или иначе высказывались еще древнегреческие и римские философы и грамматисты. И неудивительно,

поскольку они имели в виду, собственно, не язык, а речь. Так, в диалоге Платона «Хармид» Сократ заявляет: «Если ты только владеешь эллинской речью, то ведь сможешь нам сказать, что ты об этом думаешь...» [6]. Секст Эмпирик в полемике против грамматиков пишет: «... по-эллини говорит тот, кто особенно много практиковался в эллинской речи путем общения с людьми и понаторел в обиходе...» [7]. Это классическое понимание языкового назначения дошло, как мы видим, и до нашего времени. До сих пор многие ученые трактуют язык как «важнейшее средство человеческого общения». Однако еще В. фон Гумбольдт видел проблему значительно шире — и писал: «Я намереваюсь исследовать функционирование языка в его широчайшем объеме — не просто в его отношении к речи и к ее непосредственному продукту, набору лексических элементов, но и в его отношении к деятельности мышления и чувственного восприятия» [8].

Исследовательское внимание к языковым функциям по-настоящему проявилось только в прошлом веке. Интересную и продуктивную для лингвистики трактовку функций языка в процессе речи на семиотической основе предложил немецкий ученый Карл Бюлер. Поскольку речь предполагает наличие говорящего, слушающего и предмета высказывания, постольку «каждое языковое выражение имеет три аспекта: оно является одновременно выражением (экспрессией), или характеристикой говорящего, обращением (или апелляцией) к слушателю (или слушателям) и сообщением (или экспликацией) о предмете речи» [9]. В одной из главных своих работ Бюлер утверждал следующее: «Функция человеческого языка тройственна: изъявление, побуждение и репрезентация. Сегодня я предпочитаю термины: экспрессия, апелляция и репрезентация» [10]. Таким образом, «на фоне» уже известной коммуникативной функции в рамках речи были выделены еще три функции: экспрессивная, апеллятивная и репрезентативная.

Широко известна работа Р.О.Якобсона, в которой развивается учение о функциях языка. Свою теорию он строит на основе следующих уже известных функциональных компонентов, составляющих коммуникативный акт: адресант, сообщение, адресат. Но далее он выделяет новые компоненты, выводящие уже в сферы языковой деятельности. Так, сообщение успешно выполняет свои функции при наличии определенного контекста. Сообщение осуществляется также при соответствующем контакте и коде (системе знаков, имеющих значение) [11]. См. схему 1.

Схема 1

Каждому из этих компонентов соответствует своя функция. Так, коммуникативная функция связана с контекстом. С адресантом связана эмотивная (экспрессивная) функция, цель которой — выражение отношения говорящего к содержанию высказываемого. Адресат определяет наличие апеллятивной (конативной) функции (*Здравствуйте! Встать!*). Фатическая (контактоустанавливающая) функция обусловлена вхождением в контакт или прекращением его с помощью языка. На основе кода строится метаязыковая функция, которая является главной, например, при толковании фактов языка. В рамках сообщения выделяется поэтическая (эстетическая) функция. Эта функция, считает Р.Якобсон, — центральная, хотя и не единственная, функция словесного искусства: тесно взаимодействуя с другими функциями, она определяет сущность «поэтического языка». В отличие от «практического языка» как средства обычной, обиходной коммуникации, «поэтический язык» имеет значение и «сам по себе» как феномен эстетический: он характеризуется звуковой организацией (ритм, рифма...), образностью...

Поэтическая функция — одна из самых разнообразных функций, формируемых в сфере сообщения. Представляется, что в этом случае можно говорить об интеллектуальной функции, этической, идеологической, религиозной, этнической и т.д. Кроме того, и об «озеро-ровской» функции (как особом спортивном сообщении), «талейрановской» (как политическом дезинформационном сообщении), «хазановской» (как эстрадном сообщении), «андрониковской» (как литературоведческом и культурологическом повествовании), «масловской» (как манере читать лекции по лингвистике) и т.д. и т.п.

Таким образом, при рассмотрении функций, определяемых характером речи и языковой деятельностью, складывается следующая иерархия:

- коммуникативная функция;
- функции, составляющие коммуникативный акт;
- прочие функции.

В этом отношении заслуживает внимания концепция Р.В.Пазухина, который считает, что у языка одна функция — коммуникативная. Согласно его мнению, это конститутивная функция языка, характеризующая его как целое. Остальные функции иерархически подчинены ей. Он пишет: «говоря о функциях языка, мы должны последовательно разграничивать их три уровня: конститутивный (функция или функции, определяющие природу языка в целостности), субуровень (функции отдельных составных элементов языка) и эпиуровень (употребление языка в конкретных ситуациях)» [12]. Если количество функций субуровня ограничено элементами языка, то число эпифункций практически не ограничено, как не ограничены сферы реализации языка.

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод о том, что одни ученые представляют язык как полифункциональное явление, другие (в частности, Пазухин) — как монофункциональное (все прочие функции зависимы от одной — коммуникативной).

Итак, рассмотрим функции языка, исходя из его сущности и природы. Сущностной, онтологической функцией языка, составляющей и предметную сторону лингвистики, является его знаковая (семиологическая или семиотическая) функция, которая представляет лингвистический знак, исходя из трех его сторон — семантической (значения знака), синтактической (отношения и связи знака) и прагматической (использование знака и, тем самым, «выведение» его в сферу речи и языковой деятельности). Поэтому знаковая функция языка по своему существу предполагает наличие как субфункций, так и эпифункций. в рамках каждой субфункции.

К первым относятся функции, характеризующие единицы отдельных уровней языка: дистинктивная и конститутивная функция фонемы, номинативная функция слова, предикативная функция предложения и т.д. Причем последняя из перечисленных функций представляет не коммуникативную, что общепринято, а знаковую единицу, как «соединение слов, выражающее законченную мысль» [13], с одной стороны, а с другой, — единицу, соотношенную с действительностью. Именно с предложения (или слова и даже морфемы и фонемы, если они приобретают указанные признаки — логической законченности, предикативности и модальности, оформленные по законам конкретно-языковой интонации) мы получаем выход в функции языка, представляющие его природу, т.е. туда, где и начинается коммуникация, — в речь и языковую деятельность.

К эпифункциям сущностного плана относятся многочисленные функции, представляющие языковые единицы в трех указанных выше знаковых «ипостасях», например: функции подлежащего, сказуемого, дополнения; словообразовательные функции; функции формы; функции флексии; функции падежа; функции наклонения; функции местоимения и т.д.

К важнейшей субфункции языка относится метаязыковая функция. С помощью данной функции человек использует язык как орудие, объект собственной мыслительной деятельности. Иначе говоря, мы можем «перенестись» в любой мир, употребляя свой язык, — в мир языкознания, математики, физики, химии, мифа, сказки, фантастики, политической или дипломатической дискуссии, в мир выдумок и вранья и т.д. и т.п. Мы постоянно создаем миллионы и миллиарды новых миров на основе нашего языка.

В связи с этим мы можем говорить о множестве эпифункций (на основе метаязыковой функции), по крайней мере неограниченном, в связи с развитием науки и культуры, а также индивидуальных возможностей каждого из нас. Однако важно подчеркнуть: основа этих эпифункций «чисто» логическая. Язык как знаковая система изначально дает нам возможность выхода в любую ментальную область! И каждый раз, выходя в новую область, мы создаем, исполняем, совершаем новую метаязыковую функцию языка — лингвистическую, математическую, химическую, религиозную, философскую, мифологическую, любую интерпретационную, но всегда логически обоснованную и оправданную.

Метаязыковая функция языка составляет основу и переводческой деятельности. Именно здесь ярко проявляются возможности трансляции разных знаковых систем.

И еще одну субфункцию онтологического плана представляет когнитивная функция, формирующаяся в рамках прагматики языкового знака. Языковой знак потерял бы смысл своего существования, если бы он не отражал познавательную практику человека, составляющую основу его деятельности. Собственно, и сам языковой знак функционирует благодаря разумной работе человека.

Природную сторону языка представляют речь и языковая деятельность. И в том, и в другом случае можно с уверенностью говорить, что коммуникативная функция языка и разные ее аспекты здесь являются ведущими. Если функции, соотносимые с речью, всегда связаны с активной ролью говорящего, адресанта, а позиция адресата остается «за бортом», то в рамках языковой деятельности они обязательно строятся с учетом активной позиции обеих сторон — адресанта и адресата. Кроме того, языковая деятельность, в отличие от речи, предполагает и диахронический аспект.

Коммуникативная функция языка обычно ассоциируется с диалогической речевой деятельностью, подразумевает наличие двух участников речевого акта — говорящего (адресанта) и слушающего (адресата). На самом же деле, всегда один из адресатов — сам говорящий. Процесс речи находится под контролем адресанта, который в ходе общения вслушивается в самого себя, контролирует и корректирует свою речь и речевое поведение в зависимости от реакции адресата и от ситуации. Наличие внутреннего собеседника подчеркивал Л.С.Выготский, писавший, что «даже размышляя в одиночестве, мы сохраняем фикцию общения» [14].

Однако эту часть коммуникативной функции языка нельзя назвать коммуникативной, поскольку здесь один участник, сам говорящий. Поэтому даем ей характеристику как функции самоопределения и автокоррекции.

Следующую функцию речи, уже субфункцию, представляет эмотивная (эмоциональная, экспрессивная, аффективная) функция, выражающая чувства и эмоции. С помощью нее субъект спонтанно или сознательно передает свое психическое отношение к происходящему.

Апеллятивная функция — функция призыва, обращения к адресату и побуждения к восприятию речи адресанта. *Жбанков вдруг слегка помешался. — Кыйк, — заорал он по-эстонски, — все!* (эмотивная функция. — В.И.) — *Вперед, товарищи! К новым рубежам! К новым свершениям!* (апеллятивная функция. — В.И.) (С.Довлатов. Компромисс).

Волонтеративная функция выражает волеизъявление говорящего. О ней как об одной из главных функций речи писал еще Лукреций в своей известной поэме «О природе вещей»: «Если б другие при том не умели в сношеньях друг с другом / Слов применять, то откуда б явилось познание об этом? / И из чего бы в одном человеке возникла способность / Волю свою выражать, чтоб другие его понимали?». Пример: — *Волоком волоки, — сказал товарищ. — Вниз ведь тащить, не вверх.* (В.Шаламов. Колымские рассказы).

Дейктическая функция имеет самый широкий спектр языкового выражения, например: — *Бегите сюда. За мной бегите, — шепнула женщина, повернулась и побежала по узкой кирпичной дорожке. Турбин очень медленно побежал за ней.* (М.Булгаков. Белая гвардия).

Эротематическая, вопросительная функция: — *Долго один-то идешь? — Долго. У тебя вытить нету? — Найдется.* (В.Шукшин. Охота жить).

Названные речевые функции связаны с говорящим субъектом. Думается, что исторически они не равнозначны. Коммуникативная функция как функция общения и передачи информации, со-общения, сформировалась значительно позднее, чем все приведенные функции. Однако в настоящее время, при наличии развитого языка, все данные функции можно, с некоторыми оговорками, квалифицировать как субфункции коммуникативности.

И последней функцией в ряду речевых представляется репрезентативная функция, ориентирующая участников коммуникации на предмет высказывания, а не на них самих. Например: — *Не иначе, старая, меня паралик стукнул, язвы его! Что-то, замечая, я не такой стал, каким был недавно, — сказал Щукарь, с удивлением рассматривая не повидающуюся ему руку.* (М.Шолохов. Поднятая целина).

Все указанные функции теснейшим образом переплетаются в процессе коммуникации. — *Там собираются прогрессивные молодые авторы. Хотите, я покажу рассказы Игорю Ефимову? — Кто такой Игорь Ефимов? — Прогрессивный молодой автор...* (С.Довлатов. Ремесло) — здесь актуализованы вопросительная, репрезентативная и волюнтаривная функции языка. Или: — *Да куда идти?! Куда идти?! — перекрывая вой ветра, заорал снабженец. — Вы что, маленькие, что ли?!* (В.Шукшин. Капроновая елочка) — вопросительная, эмотивная и дейктическая (в смысле ее востребования) функции.

Функция, активно проявляющаяся в языковой деятельности, — фатическая (контактоустанавливающая и контактоподдерживающая). Она сопровождает нас постоянно, с утра до вечера, начиная с «Доброго утра!» и кончая «Доброй ночи!». Когда мы говорим о погоде, о моде, о транспорте, о проблемах жизни, не вникая в их сущность, а просто для «поддержания разговора», просто так, для «трепа», тогда мы используем фатическую функцию языка. Она, как добродушное виляние хвостиком у собаки, говорит о том, что коммуникант и коммуниканты склонны к «полновесному» коммуникативному контакту. Но последнего может и не быть! Остается просто доброе (а может, не очень) отношение: — *Привет! — Привет! Как дела? — Спасибо, все хорошо!* С помощью фатической функции языка люди соединяют или разъединяют свои судьбы, а дипломаты и государства устраивают свои отношения.

Случается так, что фатическая функция полностью вытесняет коммуникативную. Представьте себе Элизу Дулиттл, говорящую о погоде со светскими дамами: *Миссис Хиггинс (прерывает молчание непринужденным тоном): — Любопытно, будет ли сегодня дождь? Элиза: — Незначительная облачность, наблюдавшаяся в западной части Британских островов, возможно распространится на восточную область. Барометр не дает основания предполагать сколько-нибудь существенных перемен в состоянии атмосферы.* (Б.Шоу. Пигмалион). С подобным мы в нашей жизни, правда, сталкиваемся не так часто. Поэтому-то один из участников светской беседы произвольно отреагировал на «выступление» Элизы: *Фредди: — Ха-ха! Вот умора!* Но случается и так, что мы с удовольствием поддерживаем игру подобного рода.

В рамках языковой деятельности, охватывающей наряду с вербальными многообразные невербальные средства коммуникации, язык также выполняет важные функции в силу того, что он отражает все виды деятельности человека. И в этом плане особое место занимает поэтическая (эстетическая) функция, благодаря которой сам язык приобретает прагматическую ценность. Причем эта «ценность» может варьироваться от вульгарного ширпотреба (скабрезные анекдоты) или банальности (на примере образчиков массовой культуры) до примеров «искусства для искусства».

На прагматической основе формируется и аксиологическая функция языка, на основе которой язык выступает, с одной стороны, как мерило оценки естественных, социальных и психологических фактов, а с другой, — как предмет оценки собственных качеств.

Герменевтическая функция — функция толкования и объяснения. С ее помощью человек может не только объяснить, растолковать какую-либо проблему, какие-либо тексты, но и трактовать по-разному одни и те же факты, а также дешифровать тайные письма и знаки.

Эвристическая функция языка, функция спора и полемики, позволяет человеку добиваться своего с помощью языка, а не при посредстве кулаков.

Важнейшей для человечества является кумулятивная функция языка, функция накопления и фиксации знаний. Это отражено в разнообразных рукописях, летописях, календарях, глоссариях и словарях, энциклопедиях и т.п.

Далее выделяются идеологическая, религиозная, магическая (суггестивная), этническая, социальная субфункции. Каждая из них выполняет отведенную ей роль в человеческом обществе. Причем все эти функции легко членятся на эпифункции. Например, социальная функция — на семейно-бытовую, официально-деловую и т.д.; поэтическая — на «пушкинскую», «есенинскую», «андрониковскую» и т.п.

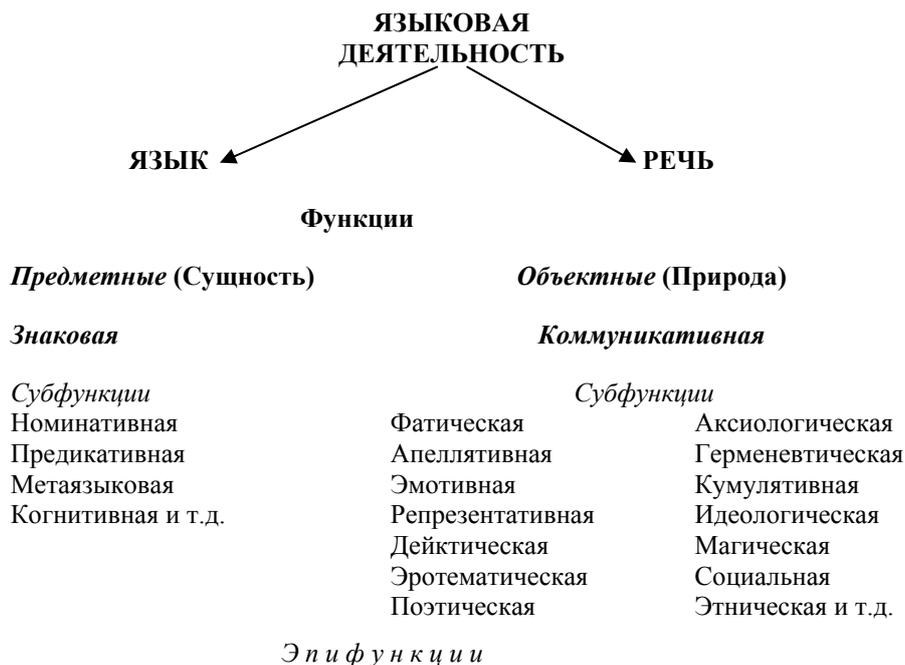

Схема 2

Итак, выделяем предметные функции языка, представляющие его сущность, и объектные — относящиеся к языковой природе. В первом случае функции действуют в рамках самого языка (и представляют интерес только для разных разделов лингвистики), во втором — язык выступает в качестве определенного «исполнителя», играет определенную роль. Тем самым функции, выполняемые языком в речи и языковой деятельности, могут быть предметом изучения самых разнообразных наук (см. схему 2).

1. Цит. по: Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М., 2001. С.6.
2. Цит. по: Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. М., 1976. С.172.
3. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С.231.
4. См.: Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М., 1990. 275 с.
5. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969. С.506-507.
6. Платон. Собр. соч. в 4 т. Т.1. М., 1990. С.347.
7. Античные теории языка и стиля: Антология текстов. СПб., 1996. С.91.
8. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 2000. С.75.
9. Цит. по: Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982. С.123.
10. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 1993. С.34.

11. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С.198.
12. Пазухин Р.В. // Вопросы языкознания. 1979. № 6. С.43.
13. Античные теории языка и стиля... С.124.
14. Выготский Л.С. Собр. соч. в 6 т. Т.3. М., 1983. С.78.